

Что такое проза?

Много отвѣтовъ можно получить на поставленный вопросъ. Если обратиться къ школьнику, усвоившему уже главнѣйшія положенія теории словесности, то онъ припомнитъ сейчасъ же описаніе, повѣствованіе, разсужденіе и особый видъ послѣдняго—ораторскую рѣчь, съ подраздѣленіемъ ея на продукты духовнаго, политическаго краснорѣчія и т. п. Онъ вспомнитъ еще, что проза прямо противоположна поэзіи, такъ какъ послѣдняя характеризуется вымысломъ, изображаетъ міръ идеальный, возможное, а первая представляетъ воплощеніе дѣйствительности; поэзія опирается на воображеніе, проза обращается къ разсудку. Все это можетъ быть подкрѣплено нелѣпою параллелью двухъ описаній Днипра у Гоголя и у Кузнецова, изъ каковой явствуетъ несомнѣнно, что поэзія—тамъ, гдѣ завѣдомо лгутъ (рѣдкая птица перелетитъ Д.), а проза—тамъ, гдѣ сообщаются точныя свѣдѣнія о длинѣ, глубинѣ и т. п. Цѣнность такого разграниченія поэзіи и прозы очевидна для всякаго, и воспитательное воздѣйствіе такого пониманія поэзіи прозы можно прямо назвать вреднымъ.

Во времена Пушкина, Гоголя для иллюстраціи набора словъ, именуемаго поэтической вольностью, допускающей „вымышлять“, цитировали стихи Державина:

На темно-голубомъ эфирѣ
Златая плавала луна.
 Въ *серебряной* своей порфирѣ...

Раскатистый смѣхъ дѣятеля 60-хъ годовъ, прошедшаго такую школу, сопровождался такимъ приблизительно разсужденіемъ: поэтѣмъ можно все говорить: луна у нихъ и золотая и серебряная—одновременно. Они пишутъ больше по ночамъ, когда разсудокъ помрачается, и дѣйствуетъ одна фантазія. А эта творческая фантазія въ школьныхъ руководствахъ по психологіи и до сихъ поръ трактуется, какъ нѣкая сила, создающая изъ дѣйствительныхъ явленій нѣчто въ дѣйствительности несуществующее, на примѣръ, изъ человѣка и лошади—кентавра и т. п. Современный импрессионизмъ, символизмъ, декадентствующая литература съ ея крайностями легко поддерживаютъ такой взглядъ на противоположность поэзіи и прозы: а старинная пѣника, создавшая ученіе о рѣчи украшенной и неукрашенной, до сихъ поръ оказываетъ свое вліяніе на умы очень образованныхъ людей: во время Гоголевскихъ дней намъ приходилось слышать и читать, что Гоголь, кромѣ всего прочаго, и поэтъ (!), а для доказательства выказаннаго положенія приводилось описаніе берега Днѣпра въ запорожской сѣчи передъ выступленіемъ въ походъ. Живость, картинность описанія,—не трудно догадаться,—не указываетъ еще на присутствіе того, что называется поэзіей. Чувство, эмоція могутъ быть вызваны и пресловутой ораторской рѣчью, однимъ изъ видовъ прозаическаго разсужденія, не исключающаго ни описанія, ни повѣствованія.

Рѣчь прямая—проза, хотя бы и украшенная всякими тропами и фигурами, сравненіями, олицетвореніями, противопоставалась и противопоставается въ школьной наукѣ „языку боговъ“—поэзіи, пѣвучей рѣчи, подчиненной правильному чередованію звучныхъ риемъ и отличающейся особымъ музыкальнымъ ритмомъ.

Если отрѣшиться отъ античнаго ученія о стопахъ, ямбахъ, трохеяхъ, дактиляхъ и цезурахъ, если всмотрѣться въ музыкальную структуру прозы, въ синтаксисъ рѣчи, раздѣляющей на особые акты—рѣчи, такъ называемыя предположенія, то мы увидимъ и здѣсь присутствіе музыкальнаго ритма, и повышение и пониженіе, и своего рода цезуру—паузу между отдѣльными единицами музыкальнаго цѣлага. Для этого нѣтъ надобности изучать періоды, и въ простомъ предположеніи найдется то же, что и въ плавной періодической рѣчи. Но тѣмъ не менѣе такой взглядъ на вещи (поэзія—стихи, музыкальная рѣчь, а проза—нѣтъ стиховъ, не музыкальная рѣчь) является руководящимъ, направляющимъ мысль, и въ силу умственной привычки, вырабатываемой школой и книгой, *поэтъ*—по преимуществу *стихотворецъ*, а переложенная въ стихи проза, по одному внѣшнему признаку—риемъ, вовсе не существенному для поэзіи, относится къ области этой послѣдней, трактуется, какъ поэтическое творчество.

Такое пониманіе поэзіи и прозы въ литературныхъ кругахъ исчезаетъ, уступая мѣсто другому, болѣе удовлетворяющему и требованіямъ логики и фактамъ, наблюдаемымъ въ дѣйствительности, но постоянно сказывается, въ силу своего рода психологической традиціи, отъ которой трудно отдѣлаться, разъ въ языкѣ литературномъ существуютъ слова, выраженія, невольнo подсказывающія нашему уму и воображенію проторенныя тропинки. Они могутъ быть невредны для ясности мысли, какъ не сбиваетъ насъ съ толку „солнце сѣло“ рядомъ съ „дѣтя сѣло“. Но въ отвлеченныхъ вопросахъ принудительная сила такихъ выраженій, со скрытой въ нихъ архаической мыслью, часто отражается на нашихъ представленіяхъ невыгодно: неизбѣжное напр. выраженіе „электрической токъ“ принуждаетъ мысль думать о жидкости, истеченіи и пр. Мы читаемъ: „гр. А. Н.

Толстой—поэтъ (т. е. стихотворецъ) дебютировалъ недавно въ прозѣ и довольно удачно“. А можетъ быть, это надо понимать такъ, что гр. А. Н. Толстой бросилъ рѣмованную прозу и обнаружилъ поэтическое дарованіе въ своихъ разказахъ.

Какъ бы то ни было, такое пониманіе поэзіи и прозы живетъ рука объ руку съ другимъ избитымъ, *ходячимъ, пошлымъ* (ходить и пойти по рукамъ—одно и то же) представленіемъ прозы, какъ чего-то простого, будничнаго, сѣраго, сухого, *неприкрашенной* дѣйствительности, въ отличіе отъ поэзіи, какъ чего-то праздничнаго, необыденнаго, красиваго, изящнаго, живого, яркаго, фантастическаго, изображающаго только то, что было за царя Хмеля, якъ було людей жменя (горсть), за тридевять земель и пр., и отъ чего по усамъ течеть, да въ ротъ не попадаетъ.

Если въ томъ, о чѣмъ мы говорили раньше, сказывается преимущественно архаическое наслѣдіе старинной риторики и поэтики, усматривавшихъ, между прочимъ, два вида краснорѣчія: „поэтическаго и прозаическаго“ (вмѣсто поэзіи и прозы—два наряда мысли); то въ данномъ случаѣ мы видимъ слѣды мнѣнческаго мышленія, приписывающаго поэзіи и прозѣ какое-то особое, внѣ человѣка, внѣ его психики, реальное бытіе. Дѣйствительность сама по себѣ ни прозаична, ни поэтична; прозаичны или поэтичны могутъ быть процессы мысли—рѣчи, а не явленія ваѣ насъ, сами по себѣ. Когда говорятъ: „ахъ, какая поэтическая мѣстность“ и при этомъ невольно приписываютъ этимъ камнямъ, скаламъ, кустамъ можевельника признакъ поэтичности и пр., то происходитъ нѣчто въ родѣ того, какъ, не дѣлая различія между звукомъ и знакомъ (буквою), называютъ буквы, а не звуки, гласными и согласными. Если смѣшенія не происходитъ, то наблюдается тотъ процессъ мысли, который называется *метониміей* (въ старинныхъ учебникахъ стилистики—метонимія—оборотъ рѣчи, тропъ: весь *домъ* переполошился и пр.). Но въ томъ то и дѣло, что такое смѣшеніе происходитъ сплошь и рядомъ, и мы говоримъ и слышимъ о *поэтическомъ* сюжетѣ, о *прозѣ* жизни. Въ этомъ отношеніи поучительна очень картина художника Бакшеева „Житейская проза“, на которой изображено обычное чаепитіе въ мелкой чиновничьей, мѣщанской семьѣ, и сѣрые будни и въ лицахъ и въ обстановкѣ схвачены такъ, что вы, не обращая вниманія на подпись къ картинѣ, скажете: какъ это мѣтко, типично, какъ удачно схваченъ образъ тоски, скуки, нудной до тошноты жизни. Тутъ нѣтъ прозы, это—чистая поэзія! А поэтическіе „Сумерки“ Мясоѣдова (берегъ моря, темныя скалы, дама съ вѣромъ въ бѣломъ и муцина съ „поэтической“ шевелурой, вперившій свой взоръ въ туманную даль) могутъ оказаться чистѣйшей прозой въ томъ смыслѣ, что созерцаніе картины не создастъ тревоги мысли, не вызоветъ въ ней движенія, именуемаго поэзіей.

Итакъ, проза можетъ быть въ рѣмованныхъ стихахъ и въ рѣчи, украшенной всяческими тропами и фигурами; ей свойственно заражать чувствомъ читателя или слушателя не хуже поэзии; ей присуща музыкальность, ритмичность; она является также выраженіемъ дѣйствительности, какъ и поэзія; ей доступно изображеніе фантастическаго, небывалаго, такого, чего не выдумаетъ самый неисправимый фантастъ-поэтъ (сюда же можно отнести клевету, особый видъ прозы, не упоминаемый въ школьныхъ теоріяхъ прозы). Міръ идеальный, міръ понятій, отвлеченій подлечитъ одинаково изображенію поэзіи и прозы. Въ чѣмъ же разница между этими двумя явленіями рѣчи-мысли?

Для лучшаго, доступнаго намъ въ данный моментъ рѣшенія вопроса

о томъ, что такое проза, необходимо это сложное понятіе, сложное явленіе свести къ элементарнымъ, простѣйшимъ явленіямъ. Исходя изъ положеній, что языкъ есть дѣятельность, что эта дѣятельность носить познавательный, теоретическій въ особомъ смыслѣ этого слова характеръ, что поэзія и проза суть явленія языка, мы а priori можемъ заключить, что проза есть какой-то особый родъ этой познавательной, теоретической дѣятельности, преслѣдующій ту же цѣль, тѣ же задачи, что и поэзія, но своимъ особымъ путемъ, характеризующимъ не особыми формами рѣчи, словами, независимо отъ ихъ психологической сущности, а особымъ состояніемъ мысли, особыми ея движеніями. Образность, конкретность мышленія не составляетъ особой привилегіи поэтической рѣчи; работа, напряженіе воображенія не являются спутниками лишь поэтическаго творчества. Я могу живо представлять себѣ вещи при самомъ прозаическомъ настроеніи, читая, слушая самую прозаическую прозу; работа воображенія, творческой фантазіи неизбѣжна въ геометріи, механикѣ. Образная рѣчь можетъ не разбудить поэзіи въ душѣ, и наоборотъ, *es ist eine poesie ohne tropen*, есть „прозаическія повѣствованія“, встрѣчаются „Житейскія прозы“, сопутствуемая движеніемъ мысли, характернымъ только для поэзіи. Простой голый фактъ, сообщенный мнѣ самымъ сухимъ дѣловитымъ языкомъ, выраженный самыми простыми безцвѣтными словами, можетъ вызвать во мнѣ поэтическое настроеніе, образное поэтическое движеніе мысли: „яблоко *это* упало съ *этой* яблони“ превращается тогда въ поэтическую формулу „яблоко отъ яблони недалеко падаетъ“. Создается характерное поэтическое обобщеніе, захватывающее огромный кругъ человѣческихъ явленій: наследственность, вліяніе среды и пр.

Дѣло не въ живости *представленія* въ психологическомъ смыслѣ этого слова, а въ живости, наличности или отсутствіи того *представленія*, о которомъ мы говорили, разсматривая элементарныя формы поэзіи. Съ этой точки зрѣнія отдѣльные слова, выраженные въ общей ткани языка дѣлятся на образныя и безобразныя, сохранившіе *представленіе* и утратившіе его *въ данный моментъ*. Вотъ, присматриваясь къ этимъ элементарнымъ формамъ рѣчи мысли, мы въ словахъ безобразныхъ будемъ видѣть элементарныя формы прозы. Изучивъ свойства простѣйшихъ явленій прозы, мы лучше разберемся и въ болѣе сложныхъ ея явленіяхъ.

Что же такое представляетъ собой простое, безобразное слово, прозаическое выраженіе? Выхваченное изъ живой рѣчи, отдѣльное слово не заключаетъ въ себѣ ни прозы, ни поэзіи: „пламя, огонь, вода, кипитъ, бурлитъ, горитъ“ и т. п. Въ простѣйшихъ актахъ рѣчи мысли, выражаемыхъ этими отдѣльными словами, мы наблюдаемъ слѣдующее.

„Пламя! Огонь!“—говоритъ человѣкъ, увидѣвшій начало пожара.
„Вода! вода!“ закричали испуганные пассажиры и т. п.

Извѣстное воспріятіе связывается съ готовымъ сочетаніемъ звуковъ, примыкавшихъ къ опредѣленному значенію, представленію объ огнѣ, водѣ, сложившемуся изъ ощущеній зрѣнія, слуха, осязанія и пр. Разложивъ процессъ мысли въ приведенныхъ случаяхъ, мы найдемъ сооставленіе вновь воспринятаго зрѣніемъ (пламени), а можетъ быть и осязаніемъ, слухомъ (плескъ воды), съ прежде познаннымъ и названнымъ „огонь“, „вода“; вновь воспринятое заняло свое *опредѣленное мѣсто* въ ряду прежнихъ воспріятій, отнесено къ такому-то *роду* явленій, классифицировано и опредѣлено въ сужденіи, происходящемъ съ быстротой молніи: „то, что я вижу, есть огонь, вода“.

При чтеніи, слушаніи, при объясненіи, напр., процесса горѣнія, произнесеніи словъ „пламя, огонь горитъ“ и пр., мы наблюдаемъ тоже сочетаніе звуковъ, непосредственно примыкающихъ къ такъ называемому значенію, т. е. совокупность воспріятій, образующихъ представленія пламени, огня и т. п. Это процессъ мысли, при которомъ наблюдается непосредственная, собственно говоря, кажущаяся непосредственной, связь понятія, представленія съ воспріятіемъ опредѣленныхъ звуковъ (если мы слушаемъ) или съ представленіемъ этого воспріятія (если мы думаемъ, читаемъ глазами). При наблюденіи явленія, словесное сообщеніе, по словамъ Эрнста Маха, является тогда *непроизвольной* связью звуковъ съ сообща наблюдаемыми фактами,—звуковъ, которые становятся затѣмъ *произвольнымъ* обозначеніемъ этихъ фактовъ. Терминъ „словесное сообщеніе“ мы можемъ съ успѣхомъ замѣнить въ данномъ случаѣ терминомъ „прозаическое сообщеніе“, прозаическое мышленіе. Слово является здѣсь своего рода звуковымъ посредникомъ между познаваемымъ (явленіемъ) или сообщаемымъ (фактомъ, явленнымъ раньше) и мыслью познающей (говорящаго или слушающаго). Между словомъ и значеніемъ, словомъ и фактомъ, словомъ и мыслью устанавливается какъ бы прямое сообщеніе. Цѣнность такого прозаическаго слова и вообще краткихъ словесныхъ формулъ прозаическаго типа—въ томъ, что тоже слово, выраженіе, формула, подобно кредитному билету или другой условной цѣнности, можетъ быть превращена въ опредѣленную реальную цѣнность, её можно размѣнять на конкретное представленіе, живой образъ. При словахъ: „каменный, двухэтажный домъ“, „еловый лѣсъ“ я могу остановить свое вниманіе на познаваемомъ, мыслимомъ предметѣ болѣе или менѣе, могу вызвать въ сознаніи рядъ послѣдовательныхъ признаковъ (цвѣтъ, форму, количество оконъ и пр.) и могу ограничиться лишь немногими признаками понятія (качество лѣса, какъ строительнаго матеріала, если я лѣсопромышленникъ; общій колоритъ, если я художникъ-живописецъ и т. п.). Въ томъ и другомъ случаѣ въ мысли челоуѣка устанавливается тожество готоваго, уже имѣющагося понятія съ познаваемымъ, названнымъ даннымъ словомъ, выраженіемъ. Получается формула: $A=B+V+Г$ и пр. или $A=B$, $A=V$ и т. д. „Уравненіе понятія съ познаваемымъ есть его опредѣленіе“, говоритъ Потебня, а „усложненіе этой дѣятельности создаетъ науку“.

Такимъ образомъ прозаическое слово, элементарный прозаическій актъ рѣчи мысли является прототипомъ огромнаго, сложнаго явленія, которое мы можемъ назвать прозой въ собственномъ смыслѣ слова, наукой. Но объ этомъ рѣчь впереди. А теперь обратимъ вниманіе на ту быстроту, съ какой совершается этотъ процессъ мышленія словами—понятіями, какъ можно назвать безобразныя, прозаическія слова, давашую поводъ думать, что мы имѣемъ дѣло здѣсь съ чѣмъ-то простымъ, первичнымъ. Эта простота, первичность на самомъ дѣлѣ далеко не такова, какъ намъ кажется. Мы по традиціи повторяемъ слово въ нужныхъ намъ случаяхъ, какъ ребенокъ по традиціи усваиваетъ сложную систему языка, съ его склоненіями, спряженіями. Прежде, чѣмъ стать общими знаками для опредѣленія и классификаціи явленій, слова въ формахъ существительнаго, прилагательнаго, глагола должны были пройти длинный сложный путь преобразованія мысли, усвоенія навыка распределять мысль по категориямъ предмета, качества, дѣйствія и т. п. Прежде, чѣмъ стать безобразнымъ, всякое слово было образнымъ, какъ мы увидимъ это въ дальнѣйшемъ. Мы легко теперь, при современномъ состояніи языка, на-

личности въ немъ богатаго запаса прозаическихъ элементовъ, орудуемъ мыслью, не прибѣгая къ громоздкимъ конкретнымъ представленіямъ. Въ выраженіе „органическая и неорганическая природа“ мы вкладываемъ все доступное нашему познанію, въ понятіяхъ—словахъ „вещь“, „сущность“, „качество“, „явленіе“ мы заключаемъ огромный кругъ того, что называется дѣйствительностью, всего подлежащаго нашему вѣдѣнію. Уже это одно говорить намъ о томъ, какое огромное облегченіе мысли чело-вѣка даетъ прозаическое слово.

Уже давно отмѣчено, что всякое свѣжее, новое, образное слово отмѣчаетъ явленіе съ какой-нибудь одной стороны, выдѣляя какой-нибудь одинъ признакъ, кажущійся въ данномъ случаѣ существеннымъ. Мы можемъ забыть, почему назвали такъ „рукавъ рѣки“, „устье рѣки“, не думать о томъ, почему мы говоримъ „сѣмейство растений“, „электрическій токъ“, „борьба за существованіе“, „химическое сродство“. Огромная масса выраженій, принятыхъ въ наукѣ („уголовное дѣло“, „защита правъ“ и т. п.), въ обыденной дѣятельности мысли (дерево, домъ, работа, горе и т. п.), отличается все-таки слѣдующею особенностью: каждое такое прозаическое слово обнимаетъ все то, что важно въ какомъ-нибудь *одномъ* отношеніи. Слово „дерево“, являясь точкой прикрѣпленія мысли ботаника, садовода, промышленника, просто чело-вѣка прохожаго, ищущаго тѣни, или хозяина, его посадившаго, каждый разъ соотвѣтствуетъ факту, явленію, разсматриваемому подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Правильно употребляя словесные знаки „дерево“, „домъ“, не сознавая обозначенныхъ ими представленій, подобно тому, какъ при быстромъ чтеніи, мы не обращаемъ вниманія на каждую букву въ отдѣльности, мы при этихъ словахъ можемъ обходиться безъ яснаго представленія о томъ, какія это деревья, дома; насъ интересуетъ лишь соотвѣтствіе даннаго явленія извѣстному понятію; мы не мыслимъ ничего *иного*, что можетъ быть занесено въ качестве значенія въ словарь, напримѣръ. Благодаря быстротѣ мысли, получается иллюзія тождества слова и понятія, и, благодаря этой иллюзіи, слово замѣщаетъ понятіе, а это послѣднее является замѣстителемъ факта, явленія, дѣйствительности. На этомъ основывается убѣжденіе чело-вѣка, что прозаическое, отвлеченное слово, наука стоять близко къ дѣйствительности, есть сама дѣйствительность. На самомъ дѣлѣ мы наблюдаемъ здѣсь слѣды того, что мы назвали въ другомъ мѣстѣ *мемонимичностью*. Мы замѣщаемъ что-нибудь одно другимъ всегда неоднороднымъ. Когда мы говоримъ „выпилъ стаканъ“, т. е. употребляемъ поэтическій оборотъ, достаточно уже обезцвѣченный, не такой, какъ, напримѣръ, „лѣсъ про-снулся“, то мы не смѣшиваемъ содержащаго и содержимаго, мы говоримъ такъ потому, что такъ легче, скорѣе, удобнѣе выразить мысль. Еще замѣтнѣе, еще ярче наблюдается это въ прозаическихъ элементахъ рѣчи.

„Языкъ, какъ и алгебра, по выраженію Маха, способствуетъ временному облегченію мысли“. Это примѣнимо прежде всего къ поэтическому творчеству, временно успокаивающему мысль, но оно еще болѣе примѣнимо къ научнымъ опредѣленіямъ, терминамъ, описаніямъ: здѣсь часто, для удобства мысли, распредѣливъ содержаніе ея по извѣстнымъ отдѣламъ, временно облегчивъ себѣ усвоеніе законовъ явленій, чело-вѣкъ замѣняетъ старыя слова новыми, и эта замѣна свидѣтельствуетъ нерѣдко о сдвигѣ мысли на новый путь, о переоцѣнкѣ прежде познаннаго, о на-зрѣвшей потребности иного объясненія явленій. Работа эта обнаруживается тамъ въ простѣйшихъ явленіяхъ прозаической рѣчи. Такъ. Потребна чѣ-

примѣръ, въ образованіи такъ называемыхъ безличныхъ предложеній съ однимъ сказуемымъ (безъ подлежащаго, безъ дѣйствующаго предмета, субстанціи) видитъ зародыши умственного, научнаго движенія, которое принято называть „энергетическимъ міровоззрѣніемъ“. Такъ подготовляются элементарными прозаическими формами пути широкому философскому движенію мысли.

Наши мѣстоименія, числительныя, рядъ формальныхъ категорій, частей рѣчи приближаютъ языкъ къ тому, что онъ становится „письмомъ понятій“, „алгеброй мысли“, преимущества котораго очевидны, если сопоставить счетъ по пальцамъ, ногамъ, рукамъ, человѣку (для обозначенія двадцати) съ нашей отвлеченной системой счета, съ нашимъ аналитическимъ характеромъ предложенія, позволяющимъ быстро разложить явленіе по категоріямъ качества, дѣйствія, вещи (наступила темная ночь, вспорхнула сѣрая птица).

Итакъ, если подъ прозой разумѣть простой образъ выраженія, то простой и въ лексическомъ и въ синтаксическомъ отношеніи будетъ не первообразный: наблюденія надъ языкомъ, факты исторіи языка убѣждаютъ насъ въ противномъ. Первичная форма мышленія и слова—поэтическая, первичное сужденіе—синтетическое: сначала „конь-воровъ“, а потомъ „конь-воронъ“.

Сравненіе разнородныхъ, по воспріятію, явленій предшествуетъ всякому установленію связи явленій. Эта основная форма мысли не оставляетъ человѣка никогда, и въ исторіи языка мы наблюдаемъ постоянное измѣненіе значеній слова; въ процессѣ такого измѣненія сравненіе новаго неизвѣстнаго, требующаго названія, съ извѣстнымъ, уже названнымъ, играетъ основную роль. Мы не знаемъ теперь, почему *столъ* названъ *столомъ*, почему съ словами *старый*, *дряхлый*, *ветхий* и т. п. связывается опредѣленное значеніе. Это прозаическія названія явленій, это слова, обозначающія результатъ отвлеченія, слова—понятія. Но если мы попробуемъ отыскать этимологію, происхожденіе такихъ словъ, какъ *понятіе*, *мысль*, *печаль*, *тоска*, *слово*, *законъ*, *затхлый*, *ни зги* и т. п., то мы можемъ, при болѣе или менѣе тщательныхъ поискахъ, установить связь такихъ, на примѣръ, группъ: 1) понятіе—понять, по-ять, вз-ять (схватить), понимать—поймать; 2) мысль, промыслить, промышлять (добывать, ловить), малорус. мысливецъ—охотникъ, сѣверн.-великор. *промышленникъ* тоже охотникъ по преимуществу; 3) печаль—печь, печаль жгучая; 4) *тоска*—нѣчто давящее, щемящее въ родствѣ съ *тиски*, *стиснуть*, *тѣсный*; 5) *слово*—слава (дурная бѣжитъ, хорошая лежитъ), *слыть*, слухъ, слышать и слушать; 6) *законъ*—то, что лежитъ за *кономъ* (рядъ въ игрѣ въ бабки), за предѣломъ, чертой, *началомъ*, исконный—начальный; 7) *затхлый*—задохлый, дохнуть, задохнуть; 8) *ни зги*—ни стѣжки (дорожка, тропинка—стеги, пркслав. стежи). Изъ простого сопоставленія словъ въ предѣлахъ каждой группы ясно видно: 1) что всякое слово—знакъ, отвлеченное слово было когда-то словомъ—образомъ, конкретнымъ словомъ; 2) что слова въ родѣ *духовный*, *воспріятіе*, *понятіе* и т. п. стали отвлеченными, прозаическими благодаря сравненію явленій міра физическаго, воспринимаемаго внѣшними чувствами и явленій міра духовнаго, психическаго; 3) что это сравненіе забыто, и благодаря этому забвенію значеніе такихъ словъ, какъ *законъ*, *мысль* и т. п. расширилось, углубилось.

Въ этой работѣ постепеннаго отвлеченія мысли, наблюдаемой въ языкѣ,

образовались и такъ называемыя грамматическія категоріи, части рѣчи, изъ которыхъ строится неизбежная форма выраженія мысли—предложеніе.

Всѣ эти союзы, предлоги, нарѣчія, такъ называемыя неизмѣняемыя части рѣчи, связи, облегчающія установленіе связи понятій и сужденій, возникли изъ вполне опредѣленныхъ, искреннихъ представленій, забытыхъ совершенно. Никто не думаетъ при словахъ *предъ, кромѣ, между, подъ, но-ино* и т. п., о *предѣлѣхъ тѣлѣги*, о *кромкѣхъ—каймѣхъ*, о *межѣхъ* на нивѣ, о печномъ *подѣхъ*, о чемъ-то *иномѣ* и т. п. Мы не можемъ объяснить происхожденіе словъ-связокъ *а, и, ли*, но они не первообразны, какъ обыкновенно называютъ ихъ въ школьныхъ грамматикахъ. Они производны, они результаты отвлеченія, въ такомъ же смыслѣ, какъ имя существительное, имя прилагательное, глаголъ являются результатомъ расчлененія образа, воспріятія на *предметъ, качество, дѣйствіе*. *Логическія* категоріи, обязательныя для современной мысли, вырабатывались при участіи языка и подготавливали возможность развитія того, что мы называемъ наукой, научнымъ объясненіемъ явленій, прозаическимъ мышленіемъ. То, что мы наблюдаемъ въ отдѣльныхъ безобразныхъ словахъ, въ образованіи частей рѣчи усложняется, расширяется, и въ результатѣ мы получаемъ прозу-науку, съ ея терминологіей, классификаціей, системами, доказательствами. Здѣсь слово образное вытѣняется словами—понятіями, отвлеченными выраженіями; здѣсь мысль и слово удаляется отъ дѣйствительности, понимаемой въ смыслѣ непосредственнаго воспріятія.

Въ ткани живого языка, въ обыденной рѣчи, въ разговорѣ постоянно вкрапливаются метафорическія выраженія, рѣчь пересыпается образной поговоркой, пословицей, мысль подкрашивается поэтическимъ сравненіемъ, а при случаѣ цѣлой побасенкой, сказкой: вспомните разговоръ барина Гринева и мужика Пугачева, отвѣтившаго на вопросъ Гринева цѣлой сказкой объ орлѣ и воронѣ. Въ письменной рѣчи, закрѣпленной печатнымъ станкомъ, среди вороха всякаго рода докладовъ, рефератовъ, дѣловыхъ актовъ, отчетовъ, протоколовъ, газетной и журнальной публицистической литературы, отражающей общественное движеніе, мы наблюдаемъ тоже самое въ болѣе сложной формѣ: поэтическая формула „лѣтъ братья, шенки летятъ“, превращается въ романъ; рядомъ съ прозаическимъ сужденіемъ: „невѣжество является источникомъ большинства преступленій русскаго крестьянина“, мы читаемъ „Злоумышленника“ Чехова. Такимъ образомъ усложненіе образнаго мышленія даетъ поэзію, искусство въ широкомъ смыслѣ слова. Точно также усложненіе прозаическихъ процессовъ мысли, наблюдаемыхъ въ языкѣ, создаетъ науку—прозу. Высшая форма прозаическаго обнаруженія мысли—протоколъ, отчетъ, описаніе явленій природы и жизни человѣка въ учебникѣ, научной монографіи, публицистическая статья въ газетѣ, журналѣ, рѣчь въ защиту или опроверженіе какой-нибудь мысли въ судѣ, въ церкви, въ другомъ общественномъ или государственномъ учрежденіи, литературная критика и т. п. И на вопросъ, что такое проза, въ этомъ смыслѣ легко отвѣтить: это—біографія такого-то дѣятеля, рассказъ о поѣздкѣ на Кавказъ, доказательство геометрической теоремы и т. п.

Всѣ виды научнаго изслѣдованія, научнаго описанія войдутъ въ объемъ понятія о прозѣ.

„Поэзія и проза“ въ элементарныхъ своихъ проявленіяхъ, въ словахъ образныхъ и безобразныхъ и въ сложныхъ произведеніяхъ слова, рѣзко разграничиваются въ моментъ пользованія ими. Поэтому удобнѣе

было говорить не о поэзии и прозе, а о поэтическом, художественном, мысленном и прозаическом, научном. Наиболее общими категориями поэтического мышления являются *образ* и его *примѣненіе*, значеніе; наиболее общими категориями прозы—науки—*фактъ* (явленіе, наблюдаемое или воспроизведенное опытом и описанное) и *законъ*, обобщеніе. Вотъ по этимъ общимъ категориямъ можно вполне точно установить характерныя особенности поэзии и прозы.

Между *образомъ* и *примѣненіемъ*, съ одной стороны, и *фактомъ* и *закономъ*, съ другой—легко замѣтить глубокое различіе. Въ поэтическомъ произведеніи образъ *относительно* неподвиженъ, *примѣненіе*—весьма измѣнчиво, всегда мѣняется и опредѣлимо лишь въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ примѣненія. Извѣстная сказка Пушкина „О рыбахъ и рыбкѣ“ пережила до ея обработки поэтомъ много примѣненій уже потому, что съ ея мотивами мы встрѣчаемся у разныхъ народовъ. Весьма возможно, и есть основаніе думать такъ, что сказка эта имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ думамъ поэта о Наполеонѣ. Образъ, данный въ баснѣ Крылова „Дубъ и трость“, можетъ получить смыслъ такой: сгибайся въ перегибъ предъ силой, и цѣль будешь, но можетъ быть и иное его примѣненіе, не такое жизнерадостно-практическое. Стихотвореніе „Анчаръ“ въ „Запискѣхъ“ Тургенева героиня повѣсти Марія Павловна примѣнила совершенно неожиданно, и по своему вѣрно. Получается такое впечатлѣніе, что образъ является какъ бы аккумуляторомъ энергіи, порождающей новыя и новыя примѣненія; между образомъ и значеніемъ, говоритъ Потебня, всегда существуетъ такого рода неравенство, что образъ *меньше* значенія. Образъ единиченъ, а примѣненій много. Наиболее яркими примѣрами такого неравенства могутъ служить міровые образы Прометей, Антигона, Донъ-Кихота, Гамлета, если вспомнить рядъ толкованій, примѣненій этихъ образовъ въ литературной и философской критикѣ европейскихъ писателей и мыслителей. Установленіе равенства между образомъ А и значеніемъ Х уничтожило бы поэтичность, иносказательность, т. е. или превратило бы образъ въ прозаическое обозначеніе частнаго случая, лишеннаго отношенія къ чему-либо *другому*, болѣе *значительному*, или превратило бы образъ въ научный или историческій фактъ, а значеніе въ законъ. Для лѣтописца легенда о смерти Олега является лишь конкретнымъ случаемъ того, что отъ волхвованія сбывается чародѣйство. Для Пушкина лѣтописная легенда въ своеобразной обработкѣ стала поэтическимъ образомъ, имѣвшимъ между прочимъ частное пушкинское примѣненіе: отношеніе его къ Александру I. Извѣстная былина о Святогорѣ и сумочкѣ переметной, буквально понятая слушателями, представляетъ тоже своего рода историческій фактъ; да, въ старину были силачи; но если слушатель на минутку забудетъ о старинѣ стародавней, то образъ Святогора, взявшася обѣими руками за тягу земную и ушедшаго по колѣни въ землю, можетъ вызвать поэтическое движеніе мысли, напомнить какому-нибудь почтенному слушателю его юность, когда и онъ чувствовалъ себя Святогоромъ въ меньшемъ масштабѣ, и о тяжелой крестьянской работѣ, ухидившей молодца. Если, читая какой-нибудь беллетристическій рассказъ, вы не выходите за предѣлы изображаемаго, не чувствуете въ немъ чего-то общаго, то вы имѣете дѣло съ прозой. Виноватъ ли въ этомъ авторъ или читатель—это другое дѣло.

Значеніе, примѣненіе (X) по отношенію къ образу (A) есть всегда нѣчто иное, часто даже неоднородное, какъ это мы видимъ въ такъ называемомъ животномъ эпосѣ.

Если поэзия есть по преимуществу иносказание, *аллегорія* въ широкомъ смыслѣ слова, то проза, какъ выраженіе элементарнаго наблюденія (куй желѣзо, пока оно раскалено), и проза—наука, какъ цѣлая система наблюденій и опытовъ, стремится стать въ нѣкоторомъ смыслѣ тождесловіемъ, тавтологіей. Если въ поэзіи отношеніе между образомъ и примѣненіемъ можно изобразить формулой $A \propto X$, то въ прозѣ отношеніе факта къ закону выражается лишь уравненіемъ $A = X$, которое при изслѣдованіи обращается въ тождество $2 = 2$. Къ этому мы еще вернемся. А теперь необходимо остановиться на слѣдующемъ любопытномъ явленіи. Образное, поэтическое слово выщѣпаетъ, становится безобразнымъ, поэтическимъ: мы забываемъ почему *подошва* горы, *устье* рѣки такъ названы. Звуки слова примыкають прямо къ значенію, слово обозначаетъ просто *фактъ*, *явленіе*, дѣйствительность. Можетъ ли то же самое случиться съ сложнымъ поэтическимъ образомъ, литературнымъ сюжетомъ, и какъ это бываетъ? Мы приводили раньше примѣры того, какъ одно и тоже произведеніе (былина о Святогорѣ) можетъ вызвать поэтическое движеніе мысли и можетъ остаться чистой прозой, изображающей фактъ. Все дѣло зависитъ отъ того, кто пользуется, отъ уровня его духовнаго развитія. Для ребенка сказка о томъ, какъ мужикъ съ медвѣдемъ сѣяли рѣпу и т. д. можетъ быть изображеніемъ факта, для человѣка, посвященнаго въ тайны борьбы труда и капитала этотъ сказочный мотивъ можетъ оказаться прекраснымъ поэтическимъ образомъ плутовскаго распредѣленія добытыхъ сообца цѣнностей. Но есть еще одинъ путь обезцѣченія, выщѣтриванія поэтическихъ образовъ. Когда имя, фамилія, связанная съ литературнымъ типомъ, становится общимъ достояніемъ, какъ Плюшкинъ, Хлестаковъ и пр., то имена эти теряють свою красочность и употребляются въ рѣчи, какъ простые безобразныя слова. Всѣмъ извѣстны вошедшія въ обиходъ простонародной рѣчи собственныя имена Каинъ, Сатана; намъ приходилось слышать въ одномъ мѣстечкѣ Екатеринославской губерніи бранныя выраженія: „ачь, якій селадонъ!“—„Бачь, якій маркобрунъ“. Герои пастушескаго и рыцарскаго романа стали нарицательными именами, вульгаризировались, стали достояніемъ неграмотной толпы, которая не читала никогда этихъ произведеній. Съ звуками „Селадонъ“, „Маркобрунъ“ связывается опредѣленное содержаніе, безъ всякаго отношенія къ образу, который совершенно забыть: селадонъ—это мягкій, рыхлый человѣкъ, съ лицомъ заспаннымъ, заплывшимъ жиромъ; маркобрунъ—мрачный, надутый, злой и упрямый ворчунъ.

Въ условіи уничтоженія поэтичности, какъ отдѣльнаго поэтическаго слова, такъ и сложнаго поэтическаго образа, косвеннымъ образомъ заключается уже и опредѣленіе прозаическаго мышленія. Поэтическій образъ превращается въ фактъ. Такого яркаго примѣра привести мы не можемъ. Легче гораздо указать обратное. Потенія даетъ въ этомъ отношеніи удивительно простой и ясный образецъ. У Плинія Младшаго въ его естественной исторіи приводится *фактъ*, что у обезьянъ обыкновенно рождаются по два дѣтеныша, при чемъ выживаетъ часто одинъ только. Происходить это потому, что обезьяна мать одного изъ нихъ любить черезчуръ и своими ласками удушаетъ, а нелюбимый остается жить. Прозаическій фактъ становится поэтическимъ образомъ, стоитъ только сказать такъ: „У одной обезьяны было два дѣтеныша. Одного изъ нихъ она любила и т. д.“... Фактъ-обобщеніе превращенъ въ *частный* случай тоже обобщающаго характера, но по иному: отъ обезьяны-матери мысль легко шагнетъ въ

сторону матери-женщины, воспитателя-родителя и пр. Образъ будетъ жить въ примѣненіяхъ. Обратный случай можно указать съ нѣкоторымъ рискомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда поэтическая легенда становится религіозной догмой, и чистый вымыселъ поэтическій становится въ глазахъ вѣрующаго изображеніемъ дѣйствительности, фактомъ. Поэтическая легенда о Буддѣ—для правовѣрныхъ историческій фактъ. Однимъ словомъ, если между образомъ и значеніемъ устанавливается тождественность, то тѣмъ самымъ разрушается поэтичность и возникаетъ проза.

Мы сказали выше, что въ прозѣ, наукѣ все сводится къ установленію тождества: $A = X$; что наиболѣе общими категоріями прозы являются два общихъ понятія: фактъ и законъ; что общая формула всякой прозы-науки есть непремѣнно уравненіе: фактъ = закону. Присмотримся теперь къ тому, что надо понимать подъ фактомъ въ данномъ случаѣ. Обыкновенно фактъ отождествляютъ съ комплексомъ воспріятій, или голой дѣйствительностью. Все явленія природы, жизни человѣческой, солнце, море, растеніе, смерть, рожденіе—все это факты, какъ и продукты человѣческой дѣятельности, индустріи: столъ, паровозъ, книга. Фактъ—это предметъ, явленіе. Въ процессѣ прозаическаго, научнаго движенія мысли подъ фактомъ мы должны разумѣть нѣчто иное.

„Та вещь кубической формы и пр., говоритъ Потебня, которая *лежитъ предо мной* (пред-метъ), есть не фактъ, а совокупность безчисленнаго множества фактовъ и соответственныхъ законовъ математическихъ, геометрическихъ, механическихъ, физическихъ, химическихъ, естественно-историческихъ и пр., (культурно-историческихъ, ибо свойства стекла, форма и украшенія на чернильницѣ—все это относится къ области исторіи культуры). Отъ конкретнаго явленія, (предмета) въ научномъ фактѣ (каждый разъ) остается только то, что имѣетъ отношеніе къ соответственному закону (математическому, физическому и пр.—поверхность данной чернильницы кубической формы равна суммѣ шести определенныхъ квадратовъ и пр.).

Всякое прозаическое выраженіе мысли есть уравненіе, имѣющее въ огромномъ большинствѣ случаевъ, почти всегда лишь эоистическое, условное значеніе. Сужденіе „земля есть шаръ“ считалось уравненіемъ, равносильнымъ $2 \times 2 = 4$ до тѣхъ поръ, пока не потребовалось замѣнить „шаръ“ другимъ понятіемъ „сферическое тѣло“. Что не подходитъ подъ формулу „фактъ = закону“, вызываетъ сомнѣніе, критику, становится заблужденіемъ, наконецъ, и требуетъ отысканія новаго тождества. Такое тождество есть тоже идеально, оно является однимъ изъ этаповъ вѣчнаго стремленія къ истинѣ, какъ чему-то объективному, вѣчнаго стремленія къ тождеству, равновѣсію между моею мыслью, обобщеніемъ и установленнымъ въ данный моментъ фактомъ. Безъ постоянного нарушенія и возстановленія наиболѣе общаго закона тождества небыло бы человѣческой науки, ея постоянного движенія. „Если бы механическое равновѣсіе было устойчиво, то жизнь была бы смертью въ идеальномъ смыслѣ этого слова; если бы равновѣсіе, спокойствіе было не стремленіемъ только къ нему, то не было бы жизни съ ея ростомъ и умаленіемъ. Случаи продолжительнаго равновѣсія наблюдаются въ такихъ отвлеченныхъ наукахъ, какъ математика.

„Однако, мы можемъ наблюдать случаи продолжительнаго сохраненія равенства между фактами и законами не только въ математическихъ положеніяхъ, въ родѣ: „треугольникъ А—съ точки зрѣнія равенства внутреннихъ угловъ двумъ прямымъ“, но и въ другихъ, въ родѣ: „русское

слово А, кончающееся на согласную“ по отношенію къ положенію, что „всякое такое слово (если оно не заимствовано) потеряло гласную на концѣ“ или „слово А безъ представленія (безобразное) имѣло нѣкогда представленіе (было образнымъ).“

Начерченный на доскѣ треугольникъ ABC будетъ не фактомъ, а точкой прикрѣпленія безчисленнаго множества фактовъ. Фактъ будетъ, если я скажу, что треугольникъ ABC представляетъ мнѣ частный случай, выражаемый закономъ, что „сумма внутреннихъ угловъ равняется двумъ прямымъ“, или что „сумма двухъ сторонъ болѣе третьей стороны“ и т. п. Если я скажу слово „волкъ“, то это еще не будетъ фактомъ языка въ научномъ смыслѣ слова, а точкой прикрѣпленія цѣлаго рода фактовъ, въ томъ числѣ и того, что въ данномъ словѣ „утрачено представленіе“. Подвергая фонетическому анализу это слово, мы увидимъ, что въ немъ характеристично сочетание *вл*, сохранившееся отъ незапамятныхъ временъ, что гласный *о* (древнее *ъ*) предшествуетъ плавному звуку *л*; характерно также это *к*, сохранившееся тоже отъ очень древняго періода, тогда какъ въ нѣмецкомъ языкѣ оно сильно измѣнилось (*wol-f*). Одинъ фонетическій анализъ представляетъ возможность усмотрѣть въ немъ массу фактовъ. Если я скажу что русское слово „волкъ“, разсматриваемое со стороны своего окончанія, есть фактъ, выражаемый закономъ или равный закону, по которому всякое русское заимствованное слово, оканчивающееся на согласную, непременно имѣло когда-то на концѣ гласную, тогда только я опредѣлю, въ какомъ отношеніи слово „волкъ“ является для меня научнымъ фактомъ.

Потебня такъ формулируетъ это: „Фактъ, понятый въ этомъ смыслѣ, возникаетъ въ мысли изъ болѣе сложныхъ комплексовъ (слово „волкъ“, треугольникъ ABC) одновременно съ возникновеніемъ или восстановленіемъ въ ней закона. „Но если, продолжаетъ Потебня, согласно съ обычнымъ способомъ выраженія, подъ фактомъ разумѣть эти болѣе сложные комплексы, то можно сказать, что научное (прозаическое) мышленіе есть заключеніе отъ факта, какъ частнаго (примѣра), разсматриваемаго въ извѣстномъ отношеніи къ однородному съ ними закону; что законъ *одинаково* выражается во всѣхъ однородныхъ фактахъ; что законъ *неподвиженъ, постояненъ, опредѣленъ*, между тѣмъ какъ *факты*, въ коихъ онъ выражается, *измѣнчивы, подвижны, неопредѣленны*“.

Дѣло, слѣдовательно, въ томъ, что согласно съ обычнымъ способомъ выраженія, подъ фактомъ мы разумѣемъ не частное выраженіе закона, а болѣе сложную величину, комплексы понятій и представленій, отъ которыхъ, какъ намъ кажется, мы доходимъ до законовъ. Подъ измѣнчивостью, подвижностью, неопредѣленностью факта „можно разумѣть то обстоятельство, что для поясненія примѣромъ такого-то свойства треугольника, русскаго слова и пр., мы можемъ взять любой треугольникъ; при добываніи общаго положенія, что всякое слово рождается съ представленіемъ и стремится къ его потерѣ, качество и количество случаевъ, съ коихъ мы начинаемъ изслѣдованіе, не измѣняетъ результата“. Ясно, что если я скажу, что сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна двумъ прямымъ, то безразлично, какой треугольникъ я начерчу для того, чтобы демонстрировать это общее положеніе. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что примѣры для общаго закона, устанавливаемаго прозой-наукой, безразличны. Выставляя извѣстное положеніе, я, съ точки зрѣнія дидактической, могу затрудняться въ выборѣ примѣра, но для дѣла, повторяемъ, примѣръ безразличенъ. Я хочу,

положимъ, доказать, что всѣ слова въ русскомъ языкѣ, оканчивающіеся нынѣ на согласную, оканчивались когда-то на гласную; я выбираю отдѣльное слово, положимъ „волкъ“ потому, что оно первымъ пришло мнѣ въ голову или потому еще, что для моихъ собесѣдниковъ анализъ этого слова доступнѣе, легче, яснѣе.

Намъ необходимо остановиться на различіи между научнымъ фактомъ и поэтическимъ образомъ еще нѣсколько.

Если мнѣ нужно установить понятіе о рыбѣ, создать рядъ научныхъ положеній объ этой зоологической разновидности, то безразличіе взятаго для анализа экземпляра означаетъ еще и то, что въ мысли я допускаю сосуществованіе безконечнаго ряда однородныхъ фактовъ. Единичное является общимъ, представителемъ ряда, въ которомъ я предполагаю $a = a_1, = a_2$ и т. д. Вся совокупность рыбъ будетъ служить выраженіемъ извѣстнаго общаго положенія. Прозаическое описаніе имѣетъ конечною цѣлью установленіе опредѣленнаго мѣста даннаго явленія въ ряду другихъ явленій. Безконечный рядъ фактовъ замѣняется единичнымъ случаемъ, связаннымъ съ опредѣленнымъ фактомъ, въ которомъ и заключается вся суть дѣла. Въ поэтическомъ описаніи мы имѣемъ нѣчто другое. Тамъ нѣтъ этой связи образа съ опредѣленной идеей, опредѣленнымъ общимъ положеніемъ, тамъ мы не можемъ сказать: эта картина, этотъ образъ значить то-то и больше ничего. Поэтическій образъ „можетъ быть вѣрнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, т. е. со стороны своего содержанія не заключать ничего въ себѣ такого, чего не могло бы заключаться въ самой трезвой научной мысли“, или „въ самомъ обыденномъ, прозаическомъ воспріятіи“, не имѣющемъ никакой цѣны. Потехня приводитъ великолѣпный примѣръ— стихотвореніе Фета:

Облакомъ волнистымъ
 Пыль встаетъ вдали;
 Конный или пѣшій—
 Невидать въ пыли.
 Вижу: кто-то скачетъ
 На лихомъ конѣ.
 Другъ мой, другъ далекій,
 Вспомни обо мнѣ.

Тутъ описано носомнѣнно единичное воспріятіе обыденнаго свойства. Но форма насъ „настраииваетъ“, и мы видимъ въ немъ уже не изображеніе единичнаго случая, совершенно незначительнаго по своей общности. Какой общій выводъ мы можемъ сдѣлать изъ него? Развѣ, что всегда, моль, подымается пыль, когда въ сухую пору кто-нибудь скачетъ по проселку. Это описаніе является для насъ знакомъ, символомъ неопредѣленнаго ряда подобныхъ положеній и связанныхъ съ нимъ чувствъ. Идеальная схема движенія мысли, въ данномъ случаѣ поэтическаго, такова: постоянно новыя примѣненія образа съ другимъ, столь же типичнымъ образомъ.

Если въ прозѣ-наукѣ $2 \times 2 = 4$ обязательно всегда, иначе не будетъ науки, то, да простятъ мнѣ это выраженіе, въ поэзіи 2×2 будетъ и 5 и 7 и т. д., т. е. всегда больше. Что бы было, если бы персонажи „Горя отъ ума“ были только портретами москвичей, описанныхъ Пылевымъ въ его книгѣ „Старая Москва“? Въ томъ то и дѣло, что Молчалинъ грибоѣдовскій не равенъ только Молчалину Пылевскому, т. е. 2×2 равно не 4, а чему то большому, цѣлому ряду Молчалиныхъ. Установленіе равенства между образомъ и значеніемъ, примѣненіемъ, какъ мы уже гово-

рили, превратило бы образъ въ прозаическое описаніе частнаго случая, лишеннаго отношенія къ чему-либо другому, превратило бы его въ историческій, т. е. научный фактъ, а значеніе въ законъ: да, были такіе-то люди въ такую-то эпоху.

Если законъ одинаково выражается во всѣхъ однородныхъ фактахъ, частныхъ случаяхъ; если законъ представляетъ нѣчто постоянное, неподвижное въ то время, какъ факты, въ которыхъ онъ выражается относительно своихъ переменчивыхъ частей подвижны, измѣнчивы; если для научной, прозаической мысли примѣръ безразличенъ, ибо за нимъ стоитъ вся совокупность однородныхъ частныхъ случаевъ,—то научное мышленіе, стоящее на извѣстной высотѣ, отличается отъ обыденнаго, житейскаго огромной экономіей мысли, большей производительностью труда: тяжелые слитки не только золота, серебра, а и мѣди замѣняются банковыми билетами. Здѣсь проза сходится съ поэзіей въ одномъ отношеніи: тамъ общее положеніе замѣняетъ безразличные частные случаи, здѣсь образъ является представителемъ безконечнаго ряда случаевъ, часто не однородныхъ.

Отношеніе частнаго случая къ закону доказывается посредствомъ разложенія частнаго случая, превращенія его въ научный фактъ. Словесное выраженіе этого разложенія всегда будетъ, по словамъ Маха, описаніе. Точность и полнота анализа есть главное условіе *убѣдительности*, единственная мѣра научной силы *доказательства*. Въ наукахъ или научномъ мышленіи, имѣющемъ дѣло съ предметами болѣе конкретными, чѣмъ линія, треугольникъ, число (продукты нашего отвлеченія) не носятъ характера абсолютной убѣдительности, потому что комплексы признаковъ, т. е. вещи, изъ которыхъ мы стремимся выдѣлить научный фактъ, не могутъ быть обняты, исчерпаны въ анализѣ. Полное доказательство возможно лишь въ математикѣ, въ которой все сводится къ формулѣ $a=v$, которая имѣетъ дѣло лишь съ продуктами нашего отвлеченія. Въ природѣ нѣтъ безусловнаго равенства между извѣстными комплексами признаковъ, предметами, явлениями, которые мы лишь считаемъ однородными, какъ нѣтъ треугольниковъ, линій, точекъ, единицъ. Въ ней нѣтъ причинной зависимости, а есть только сосуществованіе и послѣдовательность, изъ которыхъ мы выводимъ заключеніе, устанавливаемъ причины и слѣдствія.

Объяснить явленіе, установить законъ, выяснить причинную зависимость, значить ни болѣе ни менѣе, какъ дать возможно краткое, отвлеченное описаніе явленія, установить, по выраженію Маха, параллель между непривычнымъ рядомъ фактовъ, описанныхъ научно явленій, и рядомъ *привычныхъ* мыслей, ставшихъ своего рода умственнымъ обычаемъ. Когда мы говоримъ: „явленіе совершается по такому-то закону“, то это значить лишь, что данному ряду проанализированныхъ фактовъ параллеленъ рядъ привычныхъ мыслей. Какъ только расширяющійся путемъ анализа опытъ нарушаетъ эту параллельность, сейчасъ же въ рядъ мыслей, понятій, сужденій вносится наименьшее изъ возможныхъ видоизмѣненій, которое достаточно для сохраненія параллели, тождества. Законъ, такимъ образомъ, является лишь *относительно* неподвиженъ. Наконецъ, когда частичныя измѣненія, поправки недостаточны для сохраненія тождества, вся мысль, законъ, сужденіе отбрасывается и замѣняется новой, старая истина становится ложью; эта своего рода умственная революція наблюдается всякій разъ при такъ называемыхъ великихъ открытіяхъ, подготовляемыхъ накопленіемъ новыхъ наблюденій, необычныхъ. Въ то время

какъ параллель между рядомъ фактовъ и привычныхъ мыслей у Галилея была нарушена, возможно, что у его искреннихъ противниковъ она еще существовала.

Въ этомъ стремленіи къ тождеству заключается движеніе науки, въ этомъ же и трагедія жизни человѣчества, народа, въ области научнаго прозаическаго мышленія. То, что необходимо было, что добыто было цѣною пота и крови, надо имѣть мужество отбросить, какъ ненужный хламъ. Цѣль прозы-науки—вѣчная, постоянная переоцѣнка цѣнностей съ постоянной мыслью о томъ, что сейчасъ добытая непреложная истина въ отдаленномъ будущемъ потребуетъ поправки и весьма существенной, а можетъ быть окажется и заблужденіемъ. Утѣшеніемъ можетъ служить лишь то, что научное прозаическое мышленіе увеличиваетъ производительность умственной работы, облегчая ее тѣмъ, что къ нашимъ услугамъ предоставляются все болѣе и болѣе испытанные методы мышленія; что намъ даются объединенныя данныя огромнаго чужого опыта и тѣмъ самымъ дается возможность согласовать свои мысли и наблюденія со все расширяющимся коллективнымъ опытомъ; что мы все болѣе и болѣе приучаемся въ предѣлахъ всеобъемлющей субъективности человѣческой мысли разграничивать область субъективнаго, временнаго, и объективнаго, постояннаго, вѣчнаго и не творимъ кумира изъ своихъ понятій, убѣжденій.

Характерной чертой прозы, какъ и характерной особенностью прозаическаго слова является то, что мысль движется по протореннымъ колеямъ, что образуются привычки мысли быстро распределять содержимое душевной нашей жизни, наши воспріятія, попросту сказать, *думать*, затрачивая на это весьма мало сравнительно съ тѣмъ, когда мы испытываемъ сомнѣніе, встрѣчаемъ препятствіе, переживаемъ необходимость *найти* слово для даннаго *явленія*. Съ этой точки зрѣнія языкъ является огромной лабораторіей науки, т. е. процессомъ непрерывнаго научнаго мышленія, и искусства, поэзій, процессомъ постоянного созданія открытія новыхъ словъ. Конечная цѣль и прозы и науки—идеализація дѣйствительности, стремленіе малымъ знакомъ охватить огромную дѣйствительность. Находясь въ постоянномъ взаимодействіи, оба процесса—поэзія и проза отличаются съ этой точки зрѣнія только видовыми признаками.

Въ основѣ поэзій и прозы лежитъ дѣйствительность, понимаемая, какъ комплексы нашихъ воспріятій. И поэзія и проза предполагаютъ стремленіе внести связь, законченность, систему въ разнообразіе чувственныхъ данныхъ. Въ конечномъ результатѣ и той и другой получается идеализація дѣйствительности, извѣстное отвлеченіе. Аналогія, составляющая основной принципъ всякаго человѣческаго мышленія, неизбѣжна и поэзій и въ прозѣ; сравненіе, столь неизбѣжное въ поэзій, какъ мышленіе образами, является въ то же время и методическимъ пріемомъ въ наукѣ. Но существуютъ особенности прозаическаго настроенія мысли, требующія привычныхъ прозаическихъ формъ, называемыхъ обыкновенно логическими формами; и мы видимъ, что эти прозаическія настроенія достигаютъ въ наукѣ-прозѣ полной опредѣленности и противоположности поэзій.

Въ поэтическомъ настроеніи мысли прежде всего отсутствуетъ потребность въ установленіи категорическаго согласія или несогласія моей мысли съ установившимся коллективнымъ опытомъ, какъ отсутствуетъ въѣра въ объективность, истинность мысли, характерная не только для науки на раннихъ ступеняхъ развитія человѣчества, но и для науки современнаго культурнаго человѣчества. Потребность считать законъ, свое

обобщеніе, лежащимъ внѣ насъ, управляющимъ явлениями природы выражается въ томъ, что проза отождествляется съ самой дѣйствительностью, прозаическое выраженіе мысли считается, по меньшей мѣрѣ, чѣмъ-то прямо примыкающимъ къ этой дѣйствительности. Призрачность объективности въ этомъ смыслѣ можетъ сознаваться мной, но мнѣ необходима эта объективность, мнѣ надо въ данный моментъ сотворить кумиръ изъ своихъ и чужихъ мыслей, мнѣ необходима, для меня обязательна формула, положимъ: „преступленья русскаго простонародья являются слѣдствіемъ его невѣжества“, и я долженъ это доказать, повѣрить, чтобы не было никакихъ сомнѣній, что въ данномъ случаѣ обобщеніе-законъ равняется факту или фактамъ.

„Совершеннѣйшій образецъ научнаго обобщенія есть арифметическій итогъ“, говоритъ Потебня. Научное доказательство есть непременно доказательство общаго положенія. Какъ повѣрка итога состоитъ въ дѣйствіи обратномъ тому, коимъ онъ полученъ; такъ вообще научное доказательство есть разложеніе общаго положенія на частности, изъ котораго оно состоитъ.

Повторяя трижды обобщеніе 7, получимъ 21 ($7+7+7=21$ или $3 \times 7=21$). Доказательствомъ вѣрности 21, какъ результата этихъ дѣйствій, служить $\frac{21}{3}=7$ и $\frac{21}{7}=3$. Совершенное доказательство, т. е. разложеніе общаго положенія (итога, суммы) безъ остатка, можетъ имѣть мѣсто только въ той области знанія, въ которой единица идеальна и равенство слагаемыхъ безусловно. Такова математика въ предѣлахъ конечныхъ величинъ и логика, насколько она есть обобщеніе математическихъ приѣмовъ мышленія. Точность доказательства уменьшается по мѣрѣ того, какъ увеличивается неопредѣлимость числа слагаемыхъ и неравенство ихъ между собою“.

Когда берется конкретный фактъ въ прозѣ, то требуется превратить его въ научный примѣръ, сдѣлать его частью цѣлаго, которое мы называемъ научнымъ доказательствомъ, необходимо такое отвлеченіе, чтобы мы могли сказать слово „всякій“, „всѣ“, „всегда“ или „никакой“, „никто“, „никогда“, чтобы примѣръ чувствовался единицей, изъ повторенія которой получается общее, сумма. Желая доказать, что „всѣ птицы обладаютъ характернымъ устройствомъ двухъ паръ конечностей, мы должны изъ конкретнаго факта, любой птицы, выдѣлить то, что повторяется во всякой птицѣ.

Поэтический образъ ничего не доказываетъ. Чеховскій „злоумышленникъ“, соотвѣтствующій, по своему содержанію, приведенной выше формулѣ, можетъ быть приведенъ лишь какъ иллюстрація къ общему положенію, можетъ лишь возбудить желаніе произвести прозаическое, научное изслѣдованіе, заняться статистикой преступленій, показать, въ какомъ направленіи надо искать рѣшеніе вопроса, но самый образъ не рѣшаетъ вопроса, а только ставитъ его, не доказываетъ, а *показываетъ*. Значеніе любого поэтическаго образа, т. е. вереница мыслей, чувствъ, представленій изъ запаса прежнихъ переживаній связывается съ этимъ образомъ такъ, что мы говоримъ о правдивости, вѣрности изображенія, мѣткости его, красотѣ, не разлагая его, не прибѣгая къ полному и точному анализу. Для многихъ поэтическихъ изображеній, простыхъ и сложныхъ, такой анализъ, не только невозможенъ, но и ненуженъ, безсмысленъ.

„угасло веселье“ устанавливать тождество „свѣта“ и „веселья“? Кому изъ рядовыхъ читателей „Мертвыхъ душъ“ въ моментъ пользованія созданными художникомъ образами нужно разложене этихъ образовъ на частности явленій помѣщичьей и человѣческой жизни 30-хъ годовъ? Цѣнность ихъ, какъ поэтическихъ созданий, не зависитъ отъ такого анализа. Поэтическая правда образа состоитъ лишь въ его способности вызывать въ мысли извѣстное значеніе, а не въ повѣркѣ тождества между нимъ и этимъ значеніемъ. Связь образа и значенія не доказывается, а чувствуется, и это чувство, ощущеніе мы переживаемъ въ каждомъ случаѣ красиваго, мѣткого поэтическаго слова, сложнаго образа, способнаго создавать значеніе, способнаго дѣлать единичное, индивидуальное замѣстителемъ безконечнаго ряда явленій. Безъ усилій анализа единичное становится общимъ чрезъ посредство частнаго.

Я могу себѣ представить лицо, пейзажъ (при чтеніи художественнаго произведенія), которыхъ вы не видите, и это лицо, пейзажъ говорятъ мнѣ многое. Могу ли я доказать, почему это такъ? Въ намѣреніе художника это не входило, какъ не входитъ стремленіе доказать при помощи образа вѣрность, правильность извѣстной мысли. Но бываетъ такое прозаическое настроеніе мысли, когда художникъ заранѣе, такъ сказать, рѣшаетъ доказать извѣстную мысль, провести идею, изобразить примѣръ, изъ котораго вытекаетъ только то, что нужно доказать. Тутъ мы будемъ имѣть дѣло съ самой настоящей прозой. Но, если писатель, выбравъ примѣръ для подтвержденія общаго положенія, станетъ находить удовольствіе въ изображеніи примѣра, увлеченный этимъ удовольствіемъ, сообщитъ своему примѣру жизненную конкретность, то неизбѣжно произойдетъ то, что въ примѣрѣ будетъ больше чертъ, чѣмъ нужно для поясненія, доказательства общей мысли, что прозаическій примѣръ превратится въ поэтическій образъ, который даетъ больше или совсѣмъ не то, что должно было сказать. Подъ вліяніемъ природы дидактическая, прозаическая цѣль станетъ чѣмъ-то второстепеннымъ и художникъ, а съ нимъ и читатель будетъ удаляться отъ прозы въ сторону чистой поэзіи. Исторія литературы знаетъ рядъ случаевъ, когда дидактическая поэзія трибуновъ правъ человѣческихъ, благодаря указаннымъ условіямъ, превращалась въ чистую поэзію самаго высокаго качества.

Итакъ, существуютъ переходныя ступени отъ поэзіи къ прозѣ и часто трудно бываетъ указать, гдѣ начинается проза и гдѣ кончается поэзія. Но дифференцированіе прозы и поэзіи, возникшее еще въ глубокой древности на почвѣ миѣческаго мышленія, привело къ сложнымъ формамъ современной мысли, пользующейся попеременно то тѣми, то другими приѣмами выраженія, построения дѣлага. Наиболѣе общимъ вѣдшимъ признакомъ сложнаго поэтическаго произведенія служить своего рода паратактической строй: образы картины идутъ одна за другой, и связь между ними устанавливается мыслью безъ посредства особыхъ связывающихъ моментовъ; мосты между ними перекидываются мыслью безъ указки художника. Наиболѣе общимъ признакомъ сложнаго прозаическаго произведенія является синтактической строй: общія положенія, частные случаи, доказательства не вытягиваются въ цѣпь, но, какъ бы взаимно поддерживая другъ друга, связываются по принципу подчиненія, и это выражается въ структурѣ рѣчи, носящей особый книжный, отвлеченный характеръ съ его сложными предложениями, періодами.